

Ибо иго Мое благо,
и бремя Мое легко.

Мф.: 2: 30

Пролог

В церкви было холодно. Стоял октябрь, и еще не топили. Снаружи блеклое солнце вселяло надежду на тепло, но здесь, среди холодного серого камня, ощущалась лишь сырость, напоминавшая о близкой зиме.

Лаура стояла между торжественной, с крахмаленными воротником и манжетами няней и мистером Хенсоном, священником. Викарий слег с гриппом. Мистер Хенсон был молод, худ, с выступающим кадыком, и говорил высоким гнусавым голосом.

Миссис Фрэнклин, слабая и прелестная, опиралась на руку мужа. Он же стоял очень прямо и выглядел серьезным. Рождение второй дочери не облегчило его горя после смерти Чарльза. Он так хотел сына. Но теперь, судя по тому, что сказал ему врач, сына у него не будет.

Он перевел взгляд с Лауры на малышку, безмятежно гукающую на руках няни.

Две дочери... Лаура, конечно, славная девочка и очень ему дорога. Да и новорожденная — прекрасный ребенок, но мужчина всегда хочет сына.

А Чарльз, его белокурый мальчуган, который имел обыкновение запрокидывать голову, когда смеялся, был таким красивым, живым и умным ребенком. Очень необычным мальчиком. Если уж кому-то из его детей было суждено умереть, как жаль, что это оказалась не Лаура...

Он вдруг встретился взглядом со старшей дочерью. Ее глаза на бледном личике казались огромными и трагичными. Лицо Фрэнклина залила краска стыда. О чем он только думает? Вдруг девочка догадалась о его мыслях? Разумеется, он любил Лауру, только... только она никогда не сможет заменить ему Чарльза.

Опираясь на руку мужа, полузакрыв глаза, Анжела Фрэнклин думала: «Мой мальчик, мой дорогой прелестный мальчик... Не могу в это поверить. Ну почему эта участь постигла не Лауру?»

Она не испытывала чувства вины от того, что ей приходят в голову такие мысли. Она была безжалостнее и искреннее мужа и, следуя природным инстинктам, признавала очевидный факт, что ее второй ребенок, дочь, никогда не была и не будет ей так дорога, как первенец. Лаура, в противоположность Чарльзу, была удру-

чающе спокойным и примерным ребенком, не доставляющим беспокойства, но лишенным — как бы это сказать? — индивидуальности.

Анжела вновь подумала: «Никто никогда не возместит мне потерю Чарльза». Она почувствовала, как муж сжал ее руку, и открыла глаза. Надо было следить за обрядом. Но какой же неприятный голос у несчастного мистера Хенсона!

Анжела со снисходительной полуулыбкой смотрела на младенца на руках у няни. Какие высокие слова в честь такого крохотного существа.

Ресницы спавшей девочки затрепетали, она открыла глаза, ослепительно-голубые, как у Чарльза, и радостно загулила.

«А ведь у нее улыбка Чарльза», — подумала Анжела, ощутив прилив материнской любви. Ведь это же собственное дитя, ее очаровательная крошка! И впервые смерть Чарльза отошла в прошлое.

Анжела поймала грустный взгляд темных глаз Лауры. «О чем, интересно, девочка думает?» — мелькнула у нее мысль.

Няня тоже обратила внимание, как прямо стоит возле нее притихшая Лаура.

«Такая смиренная девочка, — подумала она. — По мне, так неестественно смиренная и послушная. Поэтому-то ей и внимания мало уделяют, не столько, сколько следовало бы».

Его преподобие Юстас Хенсон приближался к ответственному моменту, который всегда его пугал. Ему нечасто приходилось совершать обряд крещения. Как жаль, что здесь нет викария. Он с одобрением отметил серьезное выражение глаз и лица Лауры. Какая воспитанная девочка. Интересно, о чем она думает?

Но об этом не знали ни он, ни няня, ни Артур и Анжела Фрэнклины.

Как несправедливо...

Ее мама любит маленькую сестренку так же, как любила Чарльза.

Но это же несправедливо...

Как же она ненавидит этого ребенка! Ненавидит, ненавидит!

«Я хочу, чтобы она умерла».

Лаура стояла возле купели. Торжественные слова обряда крещения звучали у нее в ушах, но их заглушала назойливая мысль: «Я хочу, чтобы она умерла».

Она почувствовала толчок. Няня протягивала ей ребенка, прошептав:

— Возьми ее, передай священнику. Смотри, осторожней.

— Знаю, — шепнула в ответ Лаура.

И вот крохотная сестренка у нее на руках. Лаура взглянула на нее и подумала: «Что, если я разведу руки и дам ей упасть на каменный пол? Убьет это ее?»

Она заколебалась, и момент был упущен. Ребенок уже подхватили несколько неуверенные руки его преподобия Юстаса Хенсона, которому не хватало опыта викария. Он спрашивал и повторял имена Лауры, Ширли, Маргарет, Эвелин... Вода стекала со лба малышки. Она не плакала, только еще веселее гулила. Священник робко, внутренне сжавшись, поцеловал лобик ребенка — так всегда делал викарий — и с облегчением вернул ребенка няне.

Обряд крещения был окончен.

Часть первая

ЛАУРА — 1929

Глава 1

1

Под внешним спокойствием в душе Лауры, стоявшей у купели, нарастало чувство обиды и горечи.

С тех пор как умер Чарльз, она жила надеждой... Хотя девочка и грустила по поводу его смерти (брата она очень любила), робкая надежда стать любимой дочерью затмила горе. Другое дело, когда Чарльз был жив. С его красотой, обаянием, веселым беззаботным нравом, вся любовь доставалась ему. Лаура считала это вполне естественным и справедливым. Сама она всегда была тихой и скучной, вторым, часто нежеланным ребенком, который появился слишком быстро после первого. И отец, и мать были добры к ней, ласковы, но любили они Чарльза.

Однажды она услышала, как мать делилась с подругой:

— Лаура, конечно, дорога нам, но она такой неинтересный ребенок!

С отчаянием человека, которому не на что надеяться, Лаура смирилась со справедливостью этих слов. Да, она неинтересный ребенок. Маленькая, бледная, волосы у нее не вьются, и все, что она говорит, не вызывает у людей смеха, тогда как, бывало, все смеялись над словами Чарльза. Она хорошая, послушная девочка, не доставляет никому хлопот, но она ничем не примечательная личность и никогда другой не станет.

Однажды она сказала няне:

— Мама любит Чарльза больше, чем меня...

— Глупости говоришь, — мгновенноотреагировала няня. — Это совершеннейшая неправда. Твоя мама любит обоих детей одинаково. И всегда к ним справедлива. Все матери любят своих детей в равной мере.

— А кошки — нет, — заметила Лаура, вспомнив недавнее появление котят.

— Кошки — другое дело. Они животные, — пояснила няня. — Во всяком случае, — добавила она, несколько умаляя бесхитрость своего прежнего высказывания, — помни: тебя любит Бог.

Лаура была согласна с этим авторитетным суждением. Бог, конечно, ее любит, но это ведь его обязанность. Хотя, наверное, даже Бог любит Чарльза больше... Потому что создавать Чарльза ему было намного интереснее, чем ее, Лауру.

«Но я-то могу любить себя, — утешилась она, поразмыслив, — и больше, чем Чарльз, мама, папа и другие».

После этого Лаура стала еще бледнее и тише, еще незаметнее, чем прежде. И такой послушной и примерной, что даже няне было не по себе. Она поделилась с горничной своим страхом, что Лауру Господь может «прибрать» еще в детстве.

Но умер все-таки Чарльз, а не Лаура.

2

— Почему вы не заведете ребенку собаку? — неожиданно спросил отца Лауры его ближайший друг мистер Болдок.

Вопрос озадачил Артура Фрэнклина. К тому же он был задан в самый разгар их горячего спора по поводу значения Реформации.

— Какому ребенку? — недоуменно спросил он.

Мистер Болдок кивнул большой головой в сторону Лауры, сосредоточенно занятой игрой. Она кружила на воображаемом велосипеде по газону, то появляясь из-за деревьев, то вновь скрываясь за ними. Все движения ее были осторожны, ни о какой опасности или несчастном случае не могло быть и речи. Лаура была очень осмотрительным ребенком.

— С какой стати! — воскликнул мистер

Фрэнклин. — От собак одни неприятности. Влезают в дом с грязными лапами, портят ковры.

— Собака, — провозгласил мистер Болдок менторским тоном, способным вызвать почти у каждого собеседника раздражение, — обладает удивительным свойством повышать самооценку человека. Человеческое существо для собаки — это бог, которого она почитает, и не только почитает, а еще и любит, несмотря на плачевное состояние нашей цивилизации. Имея собаку, человек чувствует себя более значительным и сильным.

— Хм, — усмехнулся мистер Фрэнклин. — И вы считаете это добродетелью?

— Нет, конечно, — ответил мистер Болдок. — Но у меня есть неисправимая слабость — я люблю, когда люди счастливы. Вот и Лауру мне хочется видеть счастливой.

— Лаура совершенно счастлива. К тому же у нее уже есть котенок.

— Ну это совсем не то же самое. И вы, если дадите себе труд подумать, это поймете. Но в том-то и беда, думать вы не желаете. Чего, к примеру, стоят ваши соображения о состоянии экономики в период Реформации! Неужели вы хоть на мгновение могли предположить...

И они снова принялись бурно спорить, получая от этого огромное удовольствие.

Однако в сознании Артура Фрэнклина осталось смутное беспокойство. И вечером, зайдя

в комнату жены, где она переодевалась к обеду, он вдруг спросил:

— А с Лаурой все в порядке? Она здорова, счастлива?

Жена удивленно подняла на него голубые глаза, красивые васильковые глаза, такие же, как у их сына Чарльза.

— Дорогой! Ну конечно, с Лаурой все в порядке. У нее даже капризов не бывает, как у большинства детей. Мне никогда не приходится из-за нее нервничать. У нее все хорошо во всех отношениях. Такое счастье! — Но немного погодя, застегнув на шее нитку жемчуга, она вдруг поинтересовалась: — А почему ты спрашиваешь? Что вдруг ты забеспокоился сегодня о Лауре?

— Да из-за Болди... с его высказываниями, — уклончиво ответил Артур Фрэнклин.

— Ох уж этот Болди! — усмехнулась миссис Фрэнклин. — Ты же знаешь, какой он. Ему бы только взбаламутить кого-нибудь.

А несколько дней спустя, выходя из столовой после ланча, на который был приглашен мистер Болдок, они повстречали в холле няню. И Анжела Фрэнклин остановила ее и, слегка повысив голос, спросила:

— С мисс Лаурой все нормально? Она здорова, счастлива?

— О да, мэм, — уверенно, но несколько обиженно ответила няня. — Она примерная девоч-

ка. Никогда не доставляет беспокойства. Не то что мастер Чарльз.

— А Чарльз вас огорчает, да? — поинтересовался мистер Болдок.

— Чарльз, как и все мальчишки, любит пошалить, — почтительно сказала няня. — Он растет, скоро пойдет в школу. В этом возрасте все они непоседы. Вот с пищеварением у него неважно. Много сладостей ест тайком от меня. — Она снисходительно улыбнулась и, покачивая головой, пошла дальше.

— Все равно она его обожает, — заметила Анжела, когда они вошли в гостиную.

— Это и видно, — отозвался мистер Болдок и задумчиво добавил: — Я всегда считал, что женщины дуры.

— Няня совсем не дура.

— Я не о ней говорю.

— Значит, обо мне? — Анжела метнула на него сердитый взгляд.

Впрочем, не очень сердитый, потому что это ведь был Болди, известный своей эксцентричностью. Ему прощалась некоторая грубоватость, одна из его примечательных черт.

— Я думаю написать книгу о проблеме второго ребенка.

— Но неужели вы сторонник единственного ребенка в семье? Я думаю, это неверно во всех отношениях.